

СТАНОВЛЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У МОЛОДЫХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, НЕ ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ

Ю.В. БОРИСЕНКО

Кемеровский государственный университет (ФГБОУ ВО «КемГУ»),
г. Кемерово, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>,

e-mail: evseenkova@mail.ru

Цель. Работа направлена на исследование процесса становления родительской идентичности у мужчин и женщин, не имеющих детей. Представлены материалы эмпирического исследования, полученные на выборке молодых мужчин и женщин — студентов Кемеровского государственного университета. **Метод.** В исследовании (N=163) приняли участие респонденты в возрасте от 17 до 33 лет (M=19,32; SD=2,50), из которых 63% были женского пола. Использовались методики: опросник родительской идентичности Дж. Плека (ОРИ); тест статусов и структуры эго-идентичности. Е.Л. Солдатовой; Шкала измерения формирования идентичности (DIDS); Шкала определения стадии идентичности (ISRI); тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева. **Результаты и выводы.** Установлены различия содержательных характеристик родительской идентичности мужчин и женщин, не имеющих детей. Отмечается, что женщины больше информированы в данной сфере, более интересуются данными вопросами и более готовы принять на себя родительские обязательства в будущем, для мужчин характерны размытость представлений и затруднения в поиске информации по вопросам родительства. Такая неопределенность осложняет формирование осознанной готовности молодых мужчин к принятию родительских обязательств.

Ключевые слова: идентичность, родительская идентичность, процессы становления идентичности.

Благодарности. Автор благодарит всех испытуемых, принявших участие в исследовании.

Для цитаты: Борисенко Ю.В. Становление родительской идентичности у молодых мужчин и женщин, не имеющих детей // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Том 30. № 1. С. 49–66. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300104>

THE PARENTAL IDENTITY PROCESS OF YOUNG MEN AND WOMEN WITHOUT CHILDREN

JULIA V. BORISENKO

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>,

e-mail: evseenkova@mail.ru

Goal. We have studied the specifics of parental identity processes of young men and women without children. We provide the results of empirical study obtained from the sample of male and female students of Kemerovo state university. **Method.** Participants (N=163) were at the age 17–33 years old (M=19,32; SD=2,50) and 63% were young women. We used Caregiving and Breadwinning Identity and Reflected Appraisal Inventory (J. Pleck and colleagues), test of statuses and structure of ego-identity (E.L. Soldatova), Dimensions of Identity Development Scale (DIDS) (K. Luyckx and colleagues), Identity Stage Resolution Index (ISRI) (J.E. Cote) and test of life-meaningful orientations (D.A. Leontiev). **Results and conclusions.** We obtained some differences in the processes and content characteristics of parental identity among men and women without children. Male participants demonstrate lower level of commitment making and identification with commitment than women. Among men exploration in breadth and ruminative explorations are higher than among women. However, exploration in depth is higher in women. In contrast to women, men are characterized by the search for parental identity, related to the relationship with the father and the relationship to children.

Keywords: identity, parental identity, identity processes.

Acknowledgements. The author expresses her gratitude to all participants of the research.

For citation: Borisenko Ju.V. The Parental Identity Process of Young Men and Women without Children. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2022. Vol. 30, no. 1, pp. 49–66. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300104>

Введение

В современном мире проблемы идентичности личности стали объектом пристального внимания исследователей в последние годы [9; 31]. Это связано с современными тенденциями: молодые люди все чаще и чаще откладывают принятие на себя социальных обязательств (например, родительских), им требуется все больше времени, чтобы стать взрослыми в собственных глазах [9; 13]. Молодежи становится все труднее построить относительно стабильную систему идентичности [23].

В этой связи особый интерес представляют исследования родительской идентичности молодых мужчин и женщин, как наименее изученная область проблем идентичности.

Теоретический анализ проблемы. В отечественных работах идентичность определяется через тождество самому себе, преэминентность индивида и его самосознания во времени [4; 5].

Идентичность понимается как самоощущенность, включающая определение своего места в мире и социуме, и совокупность связанных с этим определенных, долгосрочных обязательств, принятых человеком в важных жизненных контекстах или сферах жизни (доменах) [11]. Вслед за Э. Эриксоном [16] процессы становления идентичности изучаются как в подростковом возрасте, так и во взрослости [17; 22] такими авторами как: Дж. Марсия [25], S. Schwartz, M.D. Berzonsky [24], K. Luyckx, E. Crocetti [31], J.E. Côté [13], W. Meeus [14; 27]. В современных исследованиях идентичность рассматривается процессуально через описание самостоятельных процессов достижения идентичности, таких как: поиск «вширь» — понимается как сбор информации, как внутри личности, так и в мире, о различных альтернативах идентичности; принятие обязательств — это принятие твердых решений в различных областях идентичности; глубокий поиск — включает внутренние личностные механизмы, такой сбор информации или такое обсуждение текущих обязательств, которые позволяют их оценить; отождествление с обязательством, определяемое как ощущение безопасности и уверенности в том, что существующие обязательства соответствуют собственным стандартам и желаниям человека. Кроме того, выделяется навязчивый поиск — неконструктивный процесс, включающий повторяющиеся попытки поиска в связи с неспособностью проводить рефлексивный поиск вширь и вглубь [24].

В последнее время исследования идентичности сосредоточились на изучении идентичности в различных сферах (доменах). После внимания к процессам становления идентичности в профессиональной сфере, интерес исследователей привлекает реляционная сфера — сфера отношений с близкими людьми [27]. Одно из самых новейших направлений исследования — родительская идентичность. Так, T.W. Maurer, J.H. Pleck и T.R. Rane впервые описали родительскую идентичность в терминах степени, в которой индивид считает родительскую сферу важной для себя и идентифицирует себя с родительской ролью [26]. При этом J. Pleck и соавторы выделили два полюса родительской идентичности: провайдерская родительская идентичность (т. е. принятие и осознание себя в роли кормильца) и воспитательно-ухаживающая родительская идентичность (т. е. принятие и осознание себя в уходе за ребенком). Эти полюса присущи как мужчинам, так и женщинам. Исследование данной проблематики находится на этапе сбора данных. И если особенности родитель-

ской идентичности женщин изучаются, то исследования родительской идентичности мужчин представлены недостаточно.

Исследователи в этой области обычно сравнивают субъективную значимость родительской роли со значимостью других принятых взрослыми ролей (профессионал или супруг) [29]. Результаты подобных исследований показывают, что, родительская роль субъективно важна для формирования идентичности личности, особенно для женщин [32]. Во взрослости значимость родительской роли ассоциируется у них с их повседневным функционированием и с их физическим здоровьем [29].

Обнаружено, что значимость родительской идентичности в самооценке родителей была связана с эмоциональным включением в родительскую роль, а также с необходимостью выполнения родительских функций [29]. Родители, которые значительно включены в свои родительские роли, оказались более уязвимы к эмоциональным нагрузкам, чем менее включенные родители. Недавно в работе P. Fadjukoff и коллег [17] родительская идентичность была определена как «идентичность личности как родителя» и может быть описана через процессы осознанного принятия решения о родительстве и глубинного поиска в сфере проблем воспитания детей.

Процессы становления родительской идентичности функционируют, не только при рождении детей, но и в период, предшествующий рождению ребенка — период самоопределения во многих сферах жизни личности [29], определяя становление родительской идентичности личности и собственно родительское поведение в дальнейшем, что делает актуальным исследование специфики протекания этих процессов у мужчин и женщин до рождения детей [25]. Однако исследований особенностей становления родительской идентичности личности до рождения ребенка до сих пор представлено не было.

Метод

Материалы и методы. Цель данной работы — исследовать специфику процессов становления родительской идентичности у мужчин и женщин, не имеющих детей. При этом нами была выдвинута гипотеза, что процессуальная сторона становления родительской идентичности характеризуется различием в темпах у мужчин и женщин, не имеющих детей.

Диагностические методики. Для сбора данных использовались личностные опросники.

1. *Опросник родительской идентичности Дж. Плека (Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (ОРИ)* [1; 26]. Опросник родительской идентичности имеет шесть шкал, описывающих родительство,

и построен на основе концептуальной теории родительской идентичности J.H. Pleck'a.

2. *Тест статусов и структуры эго-идентичности Е.Л. Солдатовой* (СЭИ-тест) [7; 8].

Процессуальный аспект идентичности изучался с помощью методик:

3. *Шкала измерения формирования идентичности (Dimensions of Identity Development Scale (DIDS))* [3; 24]. Методика состоит из 25 утверждений, диагностируя пять процессов становления идентичности, известных на сегодняшний день.

4. *Шкала определения стадии идентичности (Identity Stage Resolution Index (ISRI))* [2; 12]. Данная компактная методика включает 6 утверждений и одну шкалу, определяющую стадию формирования идентичности: от диффузной (минимальные баллы) до достигнутой (максимальные баллы) идентичности [2].

5. В качестве вспомогательной методики использовался *Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева* для изучения осмысленности выбора, в том числе обязательств идентичности.

Методы анализа данных. Были проведены: расчет описательных статистик; сравнение выборочных средних для независимых выборок с использованием t-критерия Стьюдента и дисперсионного анализа — для проверки гипотезы исследования; факторный анализ для изучения различия в содержательных характеристиках и процессах становления родительской идентичности. Для обработки данных использовалась программа STATISTICA 10.

Выборка. В исследовании приняли участие 163 человека, из них 60 мужчин и 103 женщины. Средний возраст испытуемых составил 19,32 года (мужчин — 20,08; женщин — 18,92). Все испытуемые — студенты Кемеровского государственного университета, обучающиеся на различных направлениях подготовки. Участие в исследовании происходило на основе добровольного мотивированного согласия испытуемых.

Результаты

Сравнение групп мужчин и женщин, не имеющих детей, по t-критерию Стьюдента (табл. 1) выявило значимые различия по следующим параметрам: воспитательно-ухаживающая и провайдерская родительская идентичность, навязчивый поиск, отцовские установки, локус контроля — Я, локус контроля — Жизнь и осмысленность жизни. При этом у женщин выше все параметры, кроме провайдерской родительской идентичности и навязчивого поиска.

Таблица 1

**Результаты сравнения групп мужчин и женщин, не имеющих детей,
 по t-критерию Стьюдента***

Параметры	Среднее (жен.)	Среднее (муж.)	t-знач.	p	Ст. отклонение (жен.)	Ст. отклонение (муж.)
РИ воспитательно-ухаживающая	3,38	3,02	6,82	0,00	0,28	0,40
РИ провайдерская	3,86	4,05	-2,05	0,04	0,58	0,48
Навязчивый поиск	14,87	16,57	-2,29	0,02	4,58	4,48
Отцовские установки	27,66	25,70	4,06	0,00	2,74	3,33
Локус контроля — Я	19,92	17,58	3,36	0,00	4,28	4,31
Локус контроля — жизнь	29,77	27,40	2,56	0,01	6,09	4,91
Осмысленность жизни	97,85	91,82	2,04	0,04	18,85	17,21

Примечание: «*» — представлены только значимые различия.

Дисперсионный анализ, предпринятый для полноты анализа, показал, что мужчины выше оценивают свои отношения с матерью и с отцом (рис. 1).

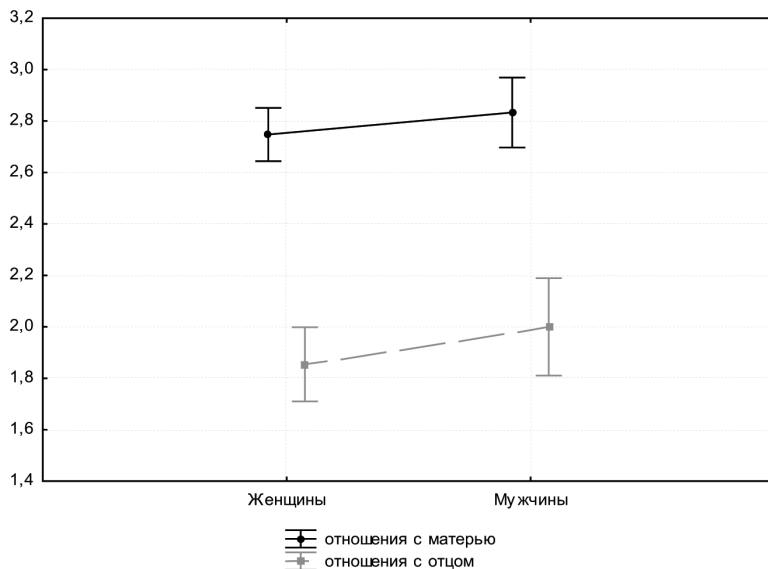

Рис. 1. Результаты дисперсионного анализа параметров отношения с родителями у мужчин и женщин, не имеющих детей

Воспитательно-ухаживающая родительская идентичность у них выражена ниже, а провайдерская — выше, чем у женщин (рис. 2).

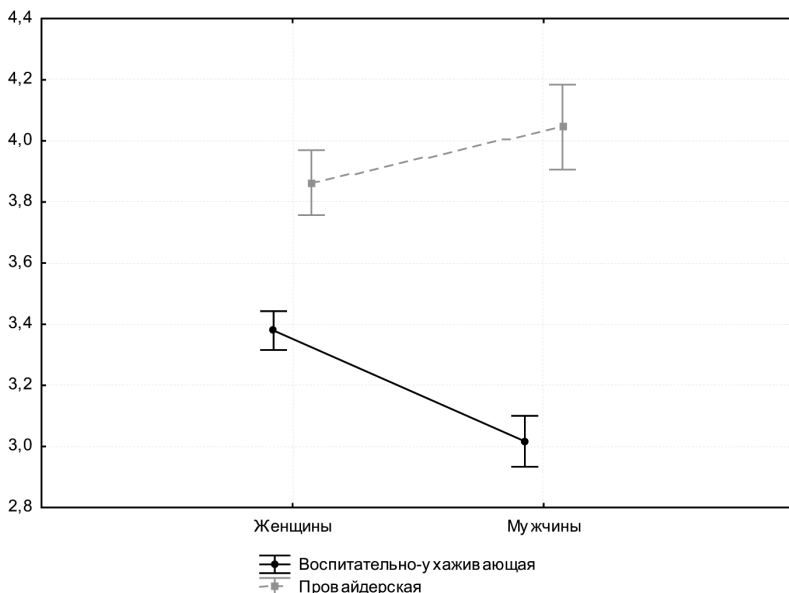

Рис. 2. Результаты дисперсионного анализа параметров родительской идентичности у мужчин и женщин, не имеющих детей

Выявлены различия между характеристиками поиска и обязательств у мужчин и женщин, не имеющих детей (рис. 3). Принятие обязательств и идентификация с обязательствами у мужчин в среднем ниже, чем у женщин, при этом поиск вширь и навязчивый поиск выражены сильнее у мужчин. Однако глубокий поиск более выражен у женщин.

Кроме того, общегрупповые матрицы данных мужчин и женщин были подвергнуты факторному анализу с подпрограммой поворота осей. В результате обработки данных по каждой выборке было выявлено, что для изучаемого нами феномена можно выделить устойчивые факторы. Устойчивость проверялась путем аналогичной процедуры для половины выборки, полученной случайным образом. Знак факторной нагрузки имеет математический, а не оценочный смысл и показывает, к какому полюсу фактора относится рассматриваемая шкала.

Для молодых женщин (табл. 2) выделяется 3 фактора (факторный анализ с вращением varimax raw): первый фактор «Чувство идентичности» (0,15 от общей дисперсии) биполярен, второй фактор — «Осмысленные обязательства» (наиболее значимый — 0,31 от общей дисперсии)

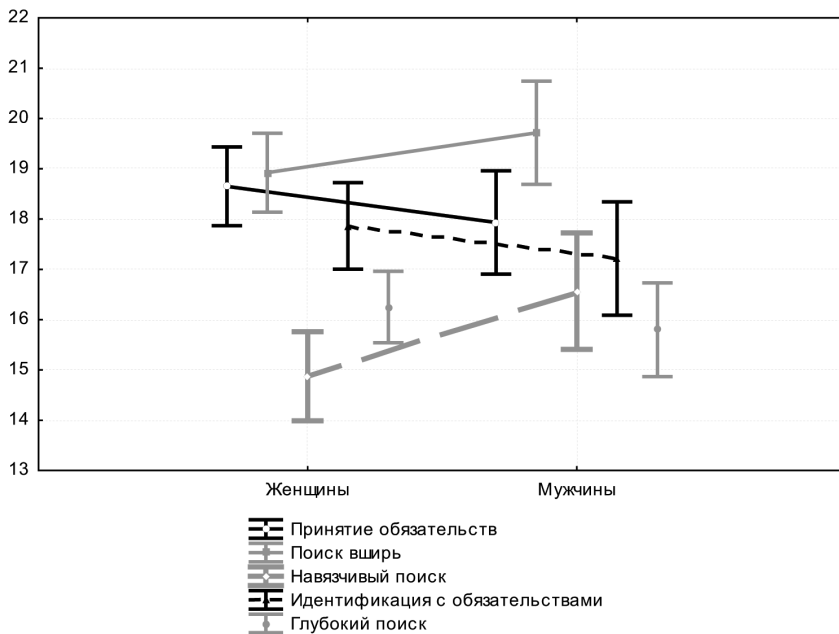

Рис. 3. Результаты дисперсионного анализа процессов становления идентичности у мужчин и женщин, не имеющих детей

также биполярен, третий фактор «Отсутствие поиска» имеет малый вес (доля дисперсии 0,07 при общей дисперсии 2,1).

Таблица 2
 Результаты факторного анализа для выборки женщин, не имеющих детей

Параметры/Факторы	Чувство идентичности	Осмысленные обязательства	Отсутствие поиска
Возраст	0,53	-0,10	-0,11
Отношение к детям	-0,26	0,44	0,20
Отношения с матерью	-0,44	0,36	0,24
Отношения с отцом	-0,19	0,31	0,24
Планирование детей в будущем	-0,10	0,01	-0,04

Параметры/Факторы	Чувство идентичности	Осмысленные обязательства	Отсутствие поиска
РИ воспитательно-ухаживающая	-0,09	0,14	-0,28
РИ провайдерская	-0,09	0,15	-0,14
Чувство взрослости	0,68	0,40	0,07
Оценка уважения окружающих	0,59	0,47	0,04
Чувство зрелости	0,68	0,33	0,13
Найденное место в жизни	0,59	0,55	0,09
Найденный стиль жизни	0,69	0,46	0,09
Найденный круг общения	0,44	0,42	-0,09
Чувство идентичности	0,78	0,56	0,07
Принятие обязательств	0,34	0,75	-0,13
Поиск вширь	-0,04	0,15	-0,76
Навязчивый поиск	-0,38	-0,36	-0,64
Идентификация с обязательствами	0,29	0,74	-0,16
Глубокий поиск	0,04	0,07	-0,71
Отцовские установки	-0,10	0,38	-0,34
Достигнутая идентичность	-0,09	0,68	-0,17
Диффузная идентичность	-0,04	-0,73	-0,01
Предрешенная идентичность	0,24	0,14	0,31
Цели в жизни	0,27	0,86	0,02
Процесс жизни	0,15	0,86	-0,01
Результативность жизни	0,25	0,83	0,05
Локус контроля — Я	0,31	0,84	0,02
Локус контроля — Жизнь	0,09	0,88	0,09
Осмысленность жизни	0,22	0,93	0,03
<i>Общая дисперсия</i>	4,23	8,90	2,10
<i>Доля дисперсии</i>	0,15	0,31	0,07

Для молодых мужчин с помощью факторного анализа с вращением varimax гав можно выделить четыре устойчивых фактора (табл. 3): с долями дисперсии 0,26; 0,18; 0,12 и 0,10 соответственно.

Первый фактор «Осмысленные обязательства» (общая дисперсия 7,43, доля дисперсии 0,26) — биполярный — объединяет на положительном полюсе различные аспекты осмысленности своих обязательств, достигнутой идентичности, на противоположном — диффузность идентичности.

Таблица 3

Результаты факторного анализа для выборки мужчин без детей

Параметры/Факторы	Осмысленные обязательства	Чувство идентичности	Родительские установки	Поиск родительской идентичности
Возраст	0,48	0,17	-0,11	-0,55
Отношение к детям	0,46	-0,08	0,38	0,50
Отношения с матерью	0,19	0,09	0,52	-0,45
Отношения с отцом	0,34	0,22	-0,12	0,60
Планирование детей в будущем	0,39	0,07	0,76	-0,04
РИ воспитательно-ухаживающая	-0,23	0,04	0,59	0,23
РИ провайдерская	0,16	-0,29	0,29	0,20
Чувство взрослости	0,30	0,75	-0,27	-0,16
Оценка уважения окружающих	0,12	0,79	0,19	-0,05
Чувство зрелости	0,05	0,78	-0,32	0,04
Найденное место в жизни	0,26	0,81	0,13	0,00
Найденный стиль жизни	0,16	0,63	0,52	-0,09
Найденный круг общения	0,24	0,40	0,65	-0,15
Чувство идентичности	0,25	0,91	0,23	-0,09
Принятие обязательств	0,61	0,11	0,38	0,04
Поиск вширь	0,29	-0,61	0,18	0,23
Навязчивый поиск	-0,25	-0,47	-0,20	0,61
Идентификация с обязательствами	0,61	0,03	0,35	-0,18
Глубокий поиск	-0,09	-0,31	0,00	0,75
Отцовские установки	0,12	-0,41	0,57	0,29
Достигнутая идентичность	0,60	-0,31	-0,13	-0,44
Диффузная идентичность	-0,75	0,09	-0,01	0,36
Предрешенная идентичность	0,26	0,31	0,22	0,11
Цели в жизни	0,84	0,32	0,05	0,02
Процесс жизни	0,87	0,27	0,17	0,01
Результативность жизни	0,83	0,20	-0,01	0,16
Локус контроля — Я	0,80	0,06	0,44	-0,16
Локус контроля — Жизнь	0,85	0,10	0,04	-0,09
Осмысленность жизни	0,95	0,18	0,10	0,04
<i>Общая дисперсия</i>	7,43	5,35	3,38	2,81
<i>Доля дисперсии</i>	0,26	0,18	0,12	0,10

Второй фактор «Чувство идентичности» (общая дисперсия 5,35, доля дисперсии 0,18) также биполярный, объединяет на положительном полюсе различные аспекты идентичности и чувства взрослости, на противоположном — поиск.

Третий фактор «Родительские установки» (дисперсия 3,38, доля дисперсии 0,12) и четвертый фактор «Поиск родительской идентичности» (общая дисперсия 2,81, доля дисперсии 0,10) также биполярны и наименее нагружены.

Обсуждение результатов

Таким образом, сравнивая наши результаты с данными других исследований [10; 15; 18] можно сказать, что особенности процессов становления идентичности в данном возрасте определяются поиском своей идентичности в различных сферах жизни. Для ранней взрослости характерно оформление родительской идентичности, связанной с принятием или непринятием гендерной роли отца или матери, формированием репродуктивной мотивации, а также с формированием пары. Именно поэтому так важно понимание специфики становления родительской идентичности у молодых мужчин и женщин, не имеющих детей.

Мы обнаружили, что между мужчинами и женщинами, не имеющих детей, наблюдаются значимые различия по следующим параметрам: воспитательно-ухаживающая и провайдерская родительская идентичность, навязчивый поиск, отцовские установки, локус контроля — Я, локус контроля — Жизнь и осмысленность жизни. При этом у женщин выше все параметры, кроме провайдерской родительской идентичности и навязчивого поиска, что согласуется с другими исследованиями мужчин и женщин, уже имеющих детей [1]. Более высокие отцовские установки у женщин, чем у мужчин, указывают на большие ожидания женщин по поводу выполнения отцовской роли ее будущим партнером; при этом в среднем молодые люди не готовы соответствовать таким ожиданиям, что может в будущем способствовать различным конфликтам на этой почве.

Дисперсионный анализ, предпринятый для полноты анализа, показал, что мужчины выше оценивают свои отношения с матерью и с отцом. Принятие обязательств и идентификация с обязательствами у мужчин в среднем ниже, чем у женщин, поиск вширь и навязчивый поиск — выше. Глубокий поиск более выражен у женщин. Мужчины в период ранней взрослости находятся на первичной стадии поиска (поиск вширь — вариантов поведения, траекторий развития, направлений, мест), поэтому, не определившись с вариантами, не могут определиться с обязательствами. Таким образом, они оказываются в состоянии мора-

тория. Для женщин этого же возраста характерен поиск вглубь, связанный с уже принятыми обязательствами. То есть они уже прошли процессы поиска шири, принятия обязательств. Это может быть связано с тем, что молодые женщины раньше определяются в жизни и «достигают» идентичности, но может быть связано и с предрешенной идентичностью. У молодых мужчин больше выражен навязчивый поиск — руминизация, или поиск по кругу, что согласуется с работами J. R Peters и коллег [28]. Это может быть связано со сложностью самоопределения в современных социальных условиях именно для мужчин молодого возраста, трудностями поиска своего места в меняющемся мире [6], как это представлено в работах M. Karwat [20], так как мужская роль более социально детерминирована, чем женская. Причем это касается не только родительской идентичности, но и становления эго-идентичности в целом [18]. Эти данные требуют дальнейшего исследования, направленного на изучение возрастной специфики процессов становления идентичности у мужчин и женщин.

С помощью факторного анализа была выявлена специфика родительской идентичности у молодых мужчин и женщин: для молодых женщин выделяется только три фактора: чувство идентичности, осмысленные обязательства и отсутствие поиска. Для молодых мужчин можно выделить четыре устойчивых фактора: осмысленные обязательства, чувство идентичности, родительские установки и поиск родительской идентичности.

Обращают на себя внимание особенности факторной структуры родительской идентичности у мужчин и женщин. Для женщин самый нагруженный фактор — «Осмысленные обязательства», кроме него выделяются факторы чувства идентичности и отсутствия поиска. Женщины включают материнские роли в свой репертуар, принимая обязательства, осмысляя их и последствия принятия этих обязательств, но не осуществляют поиска для того, чтобы сформировать их для себя.

У молодых мужчин факторов больше. Они более равномерно нагружены. В отличие от женщин для мужчин характерен поиск родительской идентичности, связанный с отношениями с отцом и отношением к детям. Таким образом, мы выявили, что женщины больше информированы в данной сфере, более интересуются данными вопросами и более готовы принять на себя родительские обязательства в будущем; для мужчин характерны размытость представлений и затруднения в поиске информации по вопросам родительства, такая неопределенность осложняет формирование осознанной готовности к принятию родительских обязательств. Явление отсутствия осознанного отношения к родительству у молодых мужчин до просьбы партнерши о рождении ребенка было описано, однако, без выявления его механизмов в статье A. Rotkirch [30].

Таким образом, мы описали гендерные особенности этапа становления родительской идентичности у молодых людей, не имеющих детей, и впервые определили причины некоторых различий, проявляющиеся в разной скорости темпов становления родительской идентичности.

Несмотря на то, что исследование родительской идентичности находится только на этапе становления, уже сейчас выделяются некоторые тенденции ее изучения: выделение родительской идентичности в отдельную сферу исследования идентичности [29], понимание того, что, хотя родительство и имеет многочисленные прикладные аспекты в науке и практике, внутренние условия становления родительской идентичности представляют собой особо значимое для родительства явление, так как определяют все внешние практики родительства, также как и самочувствие, психологического здоровье и субъективное переживание благополучия личности.

В качестве ограничения данного исследования можно называть следующее. Во-первых, результаты этого исследования основываются на самоотчетах испытуемых. Это создает некоторые ограничения в интерпретации и экстраполяции результатов. Во-вторых, изучение в этом исследовании результатов небольшой выборки ограничивает обобщаемость результатов. В-третьих, нами не были изучены культурные особенности родительской идентичности, что в связи с полученными данными может быть следующим шагом в исследовании процессов становления родительской идентичности у мужчин и женщин, не имеющих детей.

Выводы

1. Становление родительской идентичности, как мужчин, так и женщин, начинается задолго до рождения ребенка и обусловлено развитием личности и поиском личностной идентичности.

2. Мужчины в период ранней взрослости находятся на первичной стадии поиска, когда происходит поиск вариантов поведения, траекторий развития, направлений, поиск своего места в новой системе координат (в данном случае в особой области жизни — родительстве), поэтому, не определившись с возможными и приемлемыми для них вариантами поведения, они не могут определиться с тем, какие обязательства они могут, хотя бы и готовы принять на себя в этой сфере жизни. Таким образом, они оказываются в состоянии моратория, оставляя для себя время для принятия решений и выбора возможных вариантов поведения и форм отношений в этой сфере до появления отношений с конкретной женщиной — матерью будущего ребенка. Для женщин этого же возраста характерна большая информированность в

этой сфере, готовность принять на себя обязательства в данной сфере когда-либо в будущем, что, однако, оставляет возможность для поиска и сбора информации и обсуждения вопросов, связанных с родительством. Таким образом, процессуальная сторона становления родительской идентичности у мужчин и женщин, не имеющих детей, характеризуется различием в темпах развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисенко Ю.В.* Адаптация методики Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) на русский язык // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология, 2013. № 4 (15). С. 34—37.
2. *Борисенко Ю.В.* Адаптация методики Identity Stage Resolution Index (ISRI) на русский язык // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Том 22. № 3. С. 735—743. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743
3. *Борисенко Ю.В.* Апробация и адаптация методики исследования процессов идентичности «Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)» // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2020. № 3 (42). С. 33—41.
4. *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире М.: Время, 2009. 496 с.
5. *Лукьянов О.В.* Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2008. 212 с.
6. *Пеннер Р.В.* Идентичность в эпоху постмодерна: постановка проблемы // Вестник ЧелГУ. 2020. № 5 (439). С. 68—74.
7. *Солдатова Е.Л.* Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости. Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2007. 267 с.
8. *Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А.* Связь эго-идентичности и личностной зрелости // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2015. Том 8. № 1. С. 29—33.
9. *Arnett J.J., Robinson O., Lachman M.* Rethinking adult development: Introduction to the special issue // American Psychologist. 2020. № 75. P. 425—430. DOI: 10.1037/amp0000633
10. *Berzonsky M.D., Cieciuch J., Duriez B., et al.* The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations // Personality and Individual Differences. 2011. № 50. P. 295—299.
11. *Carr D.* Personal identity is social identity // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2021. № 20. P. 1—11. DOI: 10.1007/s11097-020-09702-1
12. *Cote J.E.* Identity Stage Resolution Index (ISRI) An empirical test of the identity capital model // Journal of Adolescence. 1997. № 20. P. 421—437.
13. *Côté J.E.* The identity capital model: A handbook of theory, methods, and findings London: Department of Sociology, The University of Western Ontario, 2016. 80 p.
14. *Crocetti E., Rubin M., Meeus W.* Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model // Journal of Adolescence. 2008. № 31. P. 207—222.
15. *Debast I., Rossi G., Van Alphen S.P. et al.* Age neutrality of categorically and dimensionally measured DSM-5 section II personality disorder symptoms //

- Journal of Personality Assessment. 2015. № 97. P. 321—329. DOI: 10.1080/00223891.2015.1021814
16. Erikson E.H. Identity, youth and crisis. New York: Norton, 1968. 336 p.
  17. Fadjukoff P., Feldt T., Kokko K., Pulkkinen L. Identity Status Change Within Personal Style Clusters: A Longitudinal Perspective From Early Adulthood to Midlife // Identity. 2019. № 19. P. 1—17. DOI: 10.1080/15283488.2019.1566066
  18. Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth // Europe's Journal of Psychology. 2017. № 13(3). P. 417—440. DOI: 10.5964/ejop.v13i3.1327
  19. Henley K., Pasley K. Conditions Affecting the Association between Father Identity and Father Involvement // Fathering. 2005. Vol. 3. Issue 1. P. 59—80.
  20. Karwat M. Authenticity as a Test of Identity // Politeja. 2021. Issue 17. P. 35—62.
  21. Kwan R. The moderating role of parenting self-efficacy and co-parenting alliance on marital satisfaction among Chinese fathers and mothers // Journal of Family Studies. 2015. Issue 24(12). P. 3506—3515. DOI: 10.1007/s10826-015-0152-4
  22. Kroger J. Identity in childhood and adolescence // International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences. 2015. Issue 11. P. 537—542. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.34015-6
  23. Kroger J. Identity development. Adolescence through adulthood. Thousand Oaks, CA: Sage, 2007. 306 p.
  24. Luyckx K., Schwartz S. J., Berzonsky M.D., et al. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // Journal of Research in Personality. 2008. Issue 42. P. 58—82.
  25. Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood // Identity: An International Journal of Theory and Research. 2002. Issue 2. P. 7—28.
  26. Maurer T.W., Pleck J.H., Rane T.R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics // Journal of Marriage and the Family. 2001. Issue 63. P. 309—321.
  27. Meeus W. The study of adolescent identity formation 2000—2010: A review of longitudinal research // Journal of Research on Adolescence. 2011. Issue 21. P. 75—94.
  28. Peters J.R., Eisenlohr-Moul T.A., Upton B.T., et al. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2017. Issue 39. P. 456—466. DOI: 10.1007/s10862-017-9594-x
  29. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain // Scandinavian Journal of Psychology. 2018. Issue 59. P. 157—166. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjop.12416>
  30. Rotkirch A. All that she wants is a (nother) baby'? Longing for children as a fertility incentive of growing importance // Journal of Evolutionary Psychology. 2007. Issue 5. P. 89—104.
  31. Schwartz S., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz (2001)? A reappraisal of the field of identity development. In K. McLean, & M. Syed (Eds.). The Oxford handbook of identity development. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 539—561.

32. Verschueren M., Rassart J., Claes L., et al. Identity statuses throughout adolescence and emerging adulthood: A large-scale study into gender, age, and contextual differences // *Psychologica Belgica*. 2017. Issue 57. P. 32—42. DOI: 10.5334/pb.348

REFERENCES

1. Borisenko J.V. Adaptacija metodiki Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) na russkij jazyk [The adaptation of Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) into Russian] *Vektor nauki TGU. Serija: Pedagogika, psihologija = Scientific vector of Tolyatti state university: psychology, pedagogy series*, 2013. Issue 4(15), pp.34—37. (In Russ.).
2. Borisenko Yu.V. Adaptatsiya metodiki Identity Stage Resolution Index (ISRI) na russkii yazyk [The adaptation of Identity Stage Resolution Index (ISRI) into Russian]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo state university*, 2020. Vol. 22, no. 3, pp. 735—743. DOI:10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743
3. Borisenko Yu.V. Aprobatsiya i adaptatsiya metodiki issledovaniya protsessov identichnosti «Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)» [The approbation and adaptation of «Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)»]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psihologiya = The vector of science of Tolyatti state university: Series Pedagogy, psychology*, 2020. no. 3 (42), pp. 33—41.
4. Kon I.S. Muzhchina v menjajushhemsja mire [Men in a changing world] Moscow: Vremja, 2009. 496 p. (In Russ.).
5. Luk'janov O.V. Problema stanovlenija identichnosti v jepohu social'nyh izmenenij. [The issue of identity formation at the age of social changes] Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 212 p. (In Russ.).
6. Penner R.V. Identichnost' v epokhu postmoderna: postanovka problemy [Identity in the age of postmodern: the rise of the issue]. *Vestnik ChelGU = Bulletin of Chelyabinsk state university*, 2020. no.5 (439), pp. 68—74.
7. Soldatova E.L. Shljapnikova, I.A. Svjaz' jego-identichnosti i lichnostnoj zrelosti [Correlation between ego-identity and personal maturity] *Vestnik JuUrGU. Serija «Psihologija» = Bulletin of South Ural state university: psychology series*, 2015. Vol. 8. Issue 1, pp. 29—33. (In Russ.).
8. Soldatova E.L. Struktura i dinamika normativnogo krizisa perehoda k vzroslosti: monografija [The structure and the dynamics of normative crisis of transition to adulthood]. Cheljabinsk: Izd-vo JuUrGU, 2007. 267 p. (In Russ.).
9. Arnett J., Robinson O., Lachman M. (2020). Rethinking adult development: Introduction to the special issue. *American Psychologist*. 2020. Issue 75, pp. 425—430. DOI: 10.1037/amp0000633
10. Berzonsky M.D. Cieciuch J., Duriez B., et al. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations. *Personality and Individual Differences*, 2011. Issue 50, pp. 295—299.
11. Carr D. Personal identity is social identity. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2021. Issue 20, pp. 1—11. DOI: 10.1007/s11097-020-09702-1
12. Cote J.E. Identity Stage Resolution Index (ISRI) An empirical test of the identity capital model. *Journal of Adolescence*, 1997. Issue 20, pp. 421—437.

13. Côté J.E. The identity capital model: A handbook of theory, methods, and findings. London: Department of Sociology, The University of Western Ontario, 2016. 80 p.
14. Crocetti E., Rubini M., Meeus W. Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model. *Journal of Adolescence*, 2008. Issue 31, pp. 207—222.
15. Debast I., Rossi G., Van Alphen S. P. et al. Age neutrality of categorically and dimensionally measured DSM-5 section II personality disorder symptoms. *Journal of Personality Assessment*, 2015. Issue 97, pp. 321—329. DOI: 10.1080/00223891.2015.1021814
16. Erikson E.H. Identity, youth and crisis. New York: Norton. 1968. 336 p.
17. Fadjukoff P., Feldt T., Kokko K., Pulkkinen L. Identity Status Change Within Personal Style Clusters: A Longitudinal Perspective From Early Adulthood to Midlife. *Identity*. 2019. Issue 19, pp. 1—17. DOI: 10.1080/15283488.2019.1566066
18. Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth. *Europe's Journal of Psychology*, 2017. Issue 13(3), pp. 417—440. DOI:10.5964/ejop.v13i3.1327
19. Henley K., Pasley K. Conditions Affecting the Association between Father Identity and Father Involvement. *Fathering*, 2005. Vol. 3. Issue 1, pp. 59—80.
20. Karwat M. Authenticity as a Test of Identity. *Politeja*, 2021. Issue 17, pp. 35—62.
21. Kwan R. The moderating role of parenting self-efficacy and co-parenting alliance on marital satisfaction among Chinese fathers and mothers. *Journal of Family Studies*, 2015. Issue 24(12), pp. 3506—3515. DOI: 10.1007/s10826-015-0152-4
22. Kroger J. Identity in childhood and adolescence. *International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences*, 2015. Issue 11, pp. 537—542. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.34015-6
23. Kroger J. Identity development. Adolescence through adulthood. Thousand Oaks, CA: Sage, 2007. 306 p.
24. Luyckx K., Schwartz S.J., Berzonsky M.D., et al. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence. *Journal of Research in Personality*, 2008. Issue 42, pp. 58—82.
25. Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2002. Issue 2, pp. 7—28.
26. Maurer T.W., Pleck J.H., Rane T.R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics. *Journal of Marriage and the Family*, 2001. Issue 63, pp. 309—321.
27. Meeus W. The study of adolescent identity formation 2000—2010: A review of longitudinal research. *Journal of Research on Adolescence*, 2011. Issue 21, pp. 75—94.
28. Peters J.R., Eisenlohr-Moul T.A., Upton B.T., et al. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2017. Issue 39, pp. 456—466. DOI: 10.1007/s10862-017-9594-x
29. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2018. Issue 59, pp. 157—166. DOI: 10.1111/sjop.12416

30. Rotkirch A. All that she wants is a (nother) baby'? Longing for children as a fertility incentive of growing importance. *Journal of Evolutionary Psychology*, 2007. Issue 5, pp. 89—104.
31. Schwartz S., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz (2001)? A reappraisal of the field of identity development. In K. McLean, & M. Syed (Eds.). *The Oxford handbook of identity development*. Oxford: Oxford University Press, 2015. p. 539—561.
32. Verschuere M., Rassart J., Claes L., et al. Identity statuses throughout adolescence and emerging adulthood: A large-scale study into gender, age, and contextual differences. *Psychologica Belgica*, 2017. Issue 57, pp. 32—42. DOI: 10.5334/pb.348

Информация об авторах

Борисенко Юлия Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологи развития, Кемеровский государственный университет (ФГБОУ ВО «КемГУ»), г. Кемерово, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru

Information about the authors

Borisenko Yuliya Vyacheslavovna, Ph.D., Associate Professor, Department of Acmeology and Developmental Psychology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru

Получена 28.07.2021

Received 28.07.2021

Принята в печать 01.10.2021

Accepted 01.10.2021